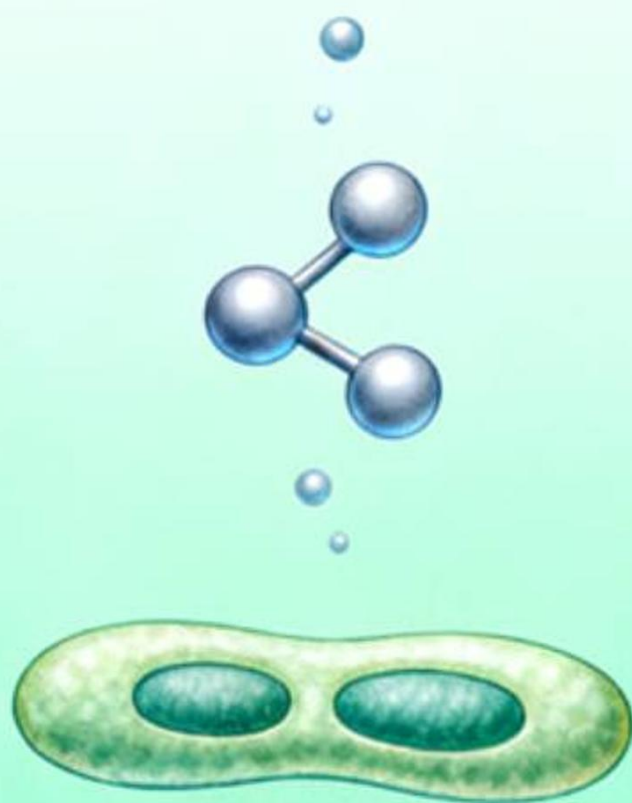

Охдишын ддвигеэвий

Кислород

Александр Бушик

Александр Бушик

Кислород

«Автор»

2026

Бушик А.

Кислород / А. Бушик — «Автор», 2026

Кто нас создал? Есть много теорий. А что если это всего лишь чей-то эксперимент?

© Бушик А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Бушик

Кислород

Глава

КИСЛОРОД

Часть первая. СЕМЯ

Глава 1. Начало

Научный корабль «Айон» висел над безымянной планетой так неподвижно, словно его забыли между звёзд. Свет местного солнца был слаб и белёс; он скользил по корпусу, не согревая металл, и терялся в чёрной глубине. В каталогах этот мир значился последовательностью цифр. Никаких легенд, никаких маршрутов, никаких причин сюда прилетать.

Именно поэтому Йор выбрал его.

Он стоял у панорамного окна лабораторного отсека, сложив руки за спиной. Под кораблём медленно поворачивался серый шар. Тёмные океаны занимали почти половину поверхности; над ними лежали тонкие полосы облаков. Континенты казались выжженными ещё до появления огня. Атмосфера была плотной, но химически скучной: азот, углекислый газ, водяной пар, инертные примеси. Свободного кислорода — меньше погрешности приборов.

Для любого другого исследователя это был мёртвый мир.

Для Йора — чистая страница.

По меркам своего народа он был почти мальчишкой: четыреста шестнадцать лет. В его лице ещё сохранялась мягкость раннего возраста, серебристая кожа не приобрела тёмного матового оттенка зрелости, а фиолетовые глаза слишком легко выдавали возбуждение. В Академии это считалось недостатком. Исследователь должен был смотреть на новое с холодом геолога, а не с восторгом ребёнка.

Йор никогда не умел.

На стекле перед ним вспыхнула тонкая сетка показаний. Температура океана. Давление. Состав атмосферы. Спектральные следы углерода в воде. В самом низу — строка, которую он перечитывал уже сотый раз.

БИОМАРКЕРЫ: ОБНАРУЖЕНЫ.

Он улыбнулся.

— Ты понимаешь, что именно сделал?

Голос прозвучал за спиной.

Йор вздрогнул и сразу рассердился на себя за это. Сат всегда входил бесшумно. Возможно, нарочно.

Наставник стоял в дверях, высокий и прямой. Ему было две тысячи триста восемьдесят лет, но возраст у их народа почти не отражался на теле. Старели не лица — старел взгляд. В глазах Сата жило слишком многое: первые межзвёздные экспедиции, раскол Академии, война Трёх Орбит, эпидемия кристаллического распада. Он видел, как открытия спасали миры, и видел, как те же открытия превращались в оружие.

Сейчас он смотрел на Йора именно так — как на новое оружие, которое ещё не знает, что оно оружие.

— Это дипломный проект, наставник, — сказал Йор. — Вы сами утвердили тему.

— Я утвердил моделирование кислородной биосферы.

— Модель работает.

— На модели.

Йор помолчал.

Сат перевёл взгляд на светящуюся строку перед окном. На секунду его лицо стало совершенно неподвижным.

— Где образцы?

— На поверхности.

Тишина между ними словно уплотнилась.

— Повтори.

— Я сбросил посевные зонды девяносто три дня назад. В экваториальных морях уже сформировались устойчивые колонии.

Сат вошёл в лабораторию и закрыл дверь. Очень спокойно. Это спокойствие Йор знал хуже крика.

— Без разрешения Совета?

— Совет не дал бы разрешения.

— Значит, ты понимал, что делаешь.

— Именно поэтому сделал.

Сат подошёл к окну. Планета проплывала под ними, равнодушная к спору существ, для которых она пока была только объектом.

— Что именно ты выпустил?

Йор провёл ладонью по панели. В воздухе между ними возникла модель — прозрачная, многослойная, похожая одновременно на клетку, машину и семя растения, которого никогда не существовало.

— «Семя-1». Углеродно-белковая самовоспроизводящаяся система. Внешняя оболочка защищает реакционные цепи от свободных радикалов. Внутри — каталитический контур фотоллиза воды и адаптивная наследственная матрица.

Сат резко повернул голову.

— Матрица?

— Не готовый геном. Библиотека решений. Способы строить мембраны, связывать металлы, выводить токсины, ремонтировать повреждения. Если среда меняется, колонии перебирают комбинации не случайно, а направленно. Я не заставляю их эволюционировать в определённую сторону. Я просто сократил число тупиков.

— Ты сократил миллионы лет проб и ошибок до нескольких поколений.

— Возможно.

— И ещё называешь это эволюцией?

Йор улыбнулся краем губ.

— А как вы называете естественный отбор, если ему дать хорошую память?

Сат не ответил.

Он приблизил модель. Внутри условной клетки вспыхнули красные точки — активные формы кислорода. Вокруг каждой немедленно замыкались ферментные циклы.

Для народа Сата кислород был почти синонимом разрушения. Их собственная биохимия строилась на медленных восстановительных процессах; свободный кислород разрывал сложные молекулярные цепи, портил ткани, превращал металлоорганические структуры в хрупкие соли. Их корабли и станции проектировали так, чтобы исключить прямой контакт с кислородсодержащими атмосферами, как древние моряки прокладывали курс в обход рифов.

Поэтому одна из первых аксиом Академии звучала просто: сложная жизнь не может сделать сильный окислитель основой своего обмена.

Йор потратил сто семьдесят лет, чтобы доказать обратное.

— Кислород не только яд, — сказал он. — Он создаёт огромный окислительно-восстановительный градиент. Запас энергии. Чем опаснее реакция, тем больше можно получить, если научиться её удерживать. Мы всю жизнь строили биологию вокруг безопасности. А я спросил, что будет, если жизнь построить вокруг риска.

— Она сгорит.

— Или станет быстрее нас.

Сат посмотрел на него.

— Вот чего ты на самом деле хотел?

Вопрос оказался неприятнее любого обвинения.

Йор отвернулся к планете.

— Я хотел узнать, возможно ли это.

— Нет. Ты хотел увидеть нечто, что опровергнет нас всех.

— Разве это преступление для учёного?

— Само по себе — нет. Преступлением становится момент, когда ради ответа ты создаёшь то, что не сможешь вернуть обратно в пробирку.

Сат указал на модель.

— Представь, что одна из твоих спор попадёт на населённый углеродный мир. Она не встретит там естественного конкурента. Она начнёт перестраивать атмосферу под себя. Окислит океаны, почвы, живые ткани. Ты придумал не организм, Йор. Ты придумал планетарный процесс.

— Зонды герметичны. Система привязана к местной спектральной подписи звезды.

— Любая привязка, способная мутировать, однажды перестаёт быть привязкой.

Йор сжал губы.

Он знал этот аргумент. Сам записал его в приложении к диссертации и затем потратил двадцать страниц, доказывая, что риск приемлем.

На бумаге риск всегда выглядел меньше.

— Через сто лет, — сказал он, — кислорода будет около семи процентов. Через пятьсот — возможно, пятнадцать. Потом рост замедлится: минералы поверхности начнут связывать избыток, океан станет буфером. Если система стабилизируется, появятся ниши для организмов, которые используют кислород не как отход, а как конечный акцептор. Я хочу увидеть этот переход.

— А если не стабилизируется?

— Тогда я остановлю эксперимент.

— Как?

Йор не ответил сразу.

Сат едва заметно кивнул.

— Вот и вся твоя наука. Ты умеешь запускать. Ты не умеешь останавливать.

— Я могу стерилизовать верхний слой океана орбитальным импульсом.

— А то, что уйдёт в глубину? В поры пород? В ледники? В гидротермальные источники?

Йор молчал.

Сат выключил голограмму одним движением.

— Уничтожь колонии сейчас.

— Нет.

Это слово прозвучало тише, чем Йор ожидал.

Сат замер.

— Ты забыл, с кем говоришь?

— Нет, наставник.

— Тогда повтори.

— Я не уничтожу их только потому, что результат оказался реальным.

— Речь не о результате. Речь о твоей неспособности отвечать за последствия.

— Поэтому я останусь.

Сат рассмеялся без улыбки.

— Останешься?

— «Айон» рассчитан на автономную работу. Я превращу его в станцию наблюдения. Каждое изменение будет записано. Любая опасная мутация — изолирована. Если система выйдет за пределы планеты, я уничтожу носители.

— Ты предлагаешь провести здесь сколько? Сто лет? Тысячу?

Йор посмотрел вниз.

— Сколько потребуется.

Сат долго стоял рядом. Гнев в нём постепенно уступал чему-то более тяжёлому. Не страху перед жизнью — страху перед учеником.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я сообщу Совету, что эксперимент уже необратим без риска для планеты и требует карантинного наблюдения. Это спасёт тебя от немедленного трибунала.

Йор поднял голову.

— Вы...

— Не благодари. Я не защищаю тебя. Я защищаю всех остальных от того, что ты сделал.

Сат пошёл к двери, но остановился.

— У мира есть обозначение?

— Каталожное.

— Не номер. Имя.

Йор снова посмотрел на серую поверхность. В экваториальных морях уже существовали тончайшие зелёные плёнки — слишком маленькие, чтобы увидеть их с орбиты, но он знал, что они там.

— Терра, — сказал он. — Старое слово из языка моей семьи. Земля.

Сат повторил медленно:

— Земля.

Слово было коротким и тяжёлым.

— Запомни сегодняшний день, Йор. Если ты прав, он станет первым днём нового мира. Если я прав — первым днём очень долгой ошибки.

Дверь закрылась.

Йор остался один.

На панели мигали данные: давление, температура, солёность, скорость фотосинтеза. Ничего торжественного. Никакой музыки, никакого света с небес. Только цифры.

И всё же где-то в тёмной воде крошечная клетка разделилась надвое.

Потом ещё раз.

И ещё.

Мир начал дышать, хотя ещё не знал, что такое дыхание.

Глава 2. Первые сигналы

Через четыреста восемьдесят два года «Айон» уже не был кораблём.

Его двигатели остыли и покрылись слоем защитного композита. Два жилых отсека превратились в архивы. В бывшем грузовом модуле росли кристаллы памяти, куда стекались данные с тысяч атмосферных и океанических зондов. Йор снял половину декоративных панелей и заменил их кабельными каналами. Станция стала похожа на старый дом, который хозяин перестраивает всю жизнь и уже не помнит, каким тот был вначале.

Йор тоже изменился, хотя зеркало почти этого не показывало.

Он по-прежнему казался молодым. Только волосы у висков стали темнее — первый признак зрелости у его народа. Но движения сделались медленнее и точнее, а привычка спорить вслух сменилась привычкой сначала молчать.

В этот день молчать не получалось.

— Девятнадцать целых четыре десятых, — сказал он пустой рубке.

На экране горела цифра содержания кислорода в атмосфере Земли.

19,4 процента.

Прогноз на этот срок давал одиннадцать.

Йор проверил калибровку. Потом резервные датчики. Потом поднял необработанные спектры. Ошибки не было.

Он вызвал Сата.

Ответ пришёл через ретрансляционную сеть спустя несколько часов. Изображение наставника дрогнуло, рассыпалось на полосы и собралось вновь.

— Говори.

— Они прошли фазу кислородного барьера.

— Кто — «они»?

Йор раздражённо усмехнулся.

— Ты прекрасно знаешь.

— Я хочу, чтобы ты не забывал: это не дети. Это объект исследования.

Йор посмотрел на планету в обзорном окне.

Она давно перестала быть серой. Тёмные океаны посветлели; вдоль побережий тянулись зелёные полосы. Континенты ещё оставались преимущественно каменными, но в низинах уже собиралась тонкая органическая почва. Белые вихри облаков двигались над поверхностью быстрее, чем прежде: изменение атмосферы меняло климат.

— В океанах появились организмы, которые сами не фотосинтезируют, — сказал Йор. — Они используют кислород для расщепления органики. Хищники, если упрощать.

Сат помолчал.

— Когда?

— Первые устойчивые линии — двадцать семь лет назад. Сейчас они занимают почти все тёплые моря.

— Двадцать семь лет — и ты докладываешь только сейчас?

— Я хотел исключить артефакт.

— Или хотел сначала полюбоваться.

Йор не ответил.

На соседнем экране вращалась реконструкция: мягкое прозрачное существо, едва больше пальца, двигалось волнообразными сокращениями и поглощало колонию фотосинтетиков. Ничего разумного. Ничего даже красивого по обычным меркам.

Йор смотрел на него часами.

— Матрица оказалась эффективнее, чем я рассчитывал, — сказал он. — Она комбинирует готовые химические решения между линиями. Горизонтальный обмен идёт через вирусоподобные переносчики. Не случайная мутация за мутацией, а почти... коллективное обучение.

— Ты это заложил.

— Я заложил возможность обмена.

— Не играй словами.

Сат приблизился к передатчику.

— Йор, ты ускорил не эволюцию. Ты создал механизм, который накапливает удачные решения всей биосферы. Если одна линия научилась связывать кальций, через несколько поколений этот способ может получить тысяча других. Если одна научится выдерживать холод — то же самое. Это уже не дерево видов. Это сеть.

— Именно поэтому сложность растёт.

— Именно поэтому ты теряешь возможность предсказывать её.

Йор провёл ладонью по панели, и на экране появилась карта биосферы. Миллионы точек вспыхивали и гасли, обозначая генетические обмены.

— Я никогда не мог предсказывать её полностью.

— Раньше ты хотя бы делал вид.

Йор улыбнулся.

— Ты стал мягче, наставник.

— А ты — самоувереннее.

Изображение Сата на мгновение застыло. Когда связь восстановилась, он уже говорил тише.

— Есть ещё одна причина, по которой я ответил.

— Какая?

— Совет обсуждает закрытие карантинной зоны.

Йор обернулся от окна.

— Что значит «закрытие»?

— Уничтожение орбитальных носителей и изоляцию системы. Без дальнейшего наблюдения.

— Это бессмысленно. Если вы считаете жизнь опасной, наблюдение — единственное, что имеет смысл.

— Не для всех. Некоторые считают сам факт хранения данных риском. Твоя матрица уже заинтересовала военных.

Йор почувствовал холод, хотя температура в рубке не изменилась.

— Они не получают её.

— Тогда перестань отправлять полные генетические архивы.

— Протокол требует...

— Я знаю, что требует протокол.

Сат посмотрел прямо в камеру.

— Иногда правила защищают от человека вроде тебя. Иногда — человека вроде тебя приходится защищать от правил.

Связь оборвалась прежде, чем Йор успел ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.